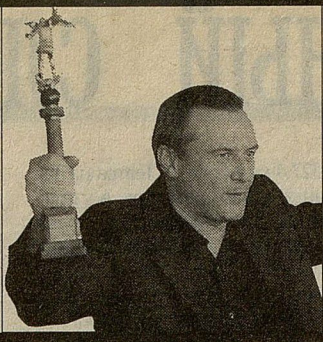

● **Заново открытый космос**
Фильм Алексея Учителя «Космос как предчувствие»
взял гран-при на ММКФ..... 23

часть 3 КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

● **Испить свою чашку**
Чеховский фестиваль. «Три сестры»
Деклана Доннеллана —
спектакль о том, как люди пьют чай,
пока рушатся их судьбы..... 22

● **Совсем не бедная Настя**
Настя Потанина выиграла чемпионат мира
по аквабайку. Аквабайк от этого
тоже выиграл. Интервью двухкратной
чемпионки..... 24

П ахло земляникой и выхлопными газами. Я стоял у дома Юлия Кима возле станции метро «Площадь 1905 года» и, ожидая условленного часа, думал о контрастах нашей сегодняшней жизни. Классик с мальчишеской фигурой об этом хорошо знает. «Вам подобный контраст слишком кажется част, а для нас он обычная вещь» — это ведь не только про землянику со смогом. А вообще «у летнего времени должен быть свой собственный аромат, и это время течет сквозь пальцы», как бы он мог сказать, собираясь на дачу, но как вежливый человек и давний друг «Новой» отказать во встрече не мог.

Подгадывать под какую-то дату не требовалось, хотя процессе разговора таковые легко и обнаружили: иначе и не могло быть, если учесть, что период активной творческой жизни Юлия Черсановича Кима, поэта, ком-

позитора и драматурга, страшно сказать, лет пятьдесят точно уже длится (с учетом студенческих капустнических-стенгазетных времен в легендарном Московском пединституте). Поэтому прочитать или пересмотреть «всего Кима» практически невозможно. Если в год сочинялось всего по десять песен, а в три — по пьесе или киносценарию... Пьесы, впрочем, начались после 68-го, когда никакого Кима в программках и титрах не стояло, а стояло «Ю. Михайлов», который прикрыл запрещенного «Ю. Кима» и просуществовал целых 16 лет, оставшись в памяти народной как автор почти легендарный и ныне «воскрешенный» в прелестной книге автобиографической прозы «Однажды Михайлов».

Михайлов — однажды, Ким — всегда. Его и знают все, даже не зная, потому что все смотрели «Бумбараша», «Обыкновенное чудо» и «Двенадцать стуль-

ев», слышали и, может быть, даже пели «Губы окаянные» и иные ставшие народными песни, на худой конец, если брать совсем уж молодое поколение, до одури заслушивались шлягерами из российского варианта мюзикла «Собор Парижской Богоматери», ибо автор либретто — тоже Ким, хотя и не только он.

Весь этот вал в голове не уместить, да и волновало меня другое. Я собирался разговаривать с Юлием Черсановичем о том, что им уже написано. Про наши времена в том числе. Ну хотя бы вот это: «Под барабанный грохот суеты весьма уютно засыпает совесть...». Слишком многое у Кима становится пугающе актуальным и почти крамольным, но задумываться об этом легкомысленному мудрецу, слава Богу, особо некогда.

Во всяком случае, я так думал.

Что нужно, кроме солнца и свободы

— Юлий Черсанович, сейчас на концертах вы получаете записки?

— Конечно. Моя дочь аккуратно их собирает. Не знаю, зачем — мне кажется, что ее больше интересуют именно вопросы, нежели папины ответы.

— Встречаются такие, на которые трудно ответить по причине их остроты?

— Ответить я порой не могу по причине недостаточной осведомленности. Что касается всего остального, то с орбачевских времен никакой внутренней цензуры нет и никакие «такие» вопросы не смущают. Боязнь репрессий за свободное слово у меня лично отсутствует.

— Может быть, это от снисходительного отношения к камерному жанру, каким, в сущности, авторская песня и является, и поборникам новой идеологической чистоты просто некогда такими мелочами заниматься?

— Естественно, к прессе и ТВ другое отношение. Был я в прямом эфире не помню на каком радио. Речь шла о песнях, о кино и театре, но как-то все незаметно съехало к общественно-политической жизни. Идем после передачи по коридору с молодой режиссершей, и тут хлопаю себя по лбу — я же про Чечню забыл сказать! «И хорошо, что забыли, — облегченно вздыхает режиссерша. — Иначе завтра бы я уже здесь не работала».

И таким повеяло на меня холодком застойных времен...

Понятно, что нынешняя власть мечтает прибрать к рукам все, что обозначается не любимой мной аббревиатурой СМИ, и многое сделала для возвращения «благословенных времен», особенно в телеэфире. Но даже с учетом этих попыток добиться тотального контроля теперешний уровень гласности несоизмерим с тем, что было четверть века назад. Мы очень быстро привыкли к хорошему. А ведь если представить, что Брежнев на минутку взглянул — пусть на программу «Время» нынешнего абсолютно прокремлевского ОРТ, — то легко вообразить, чем бы этот просмотр обернулся для авторов и ведущих.

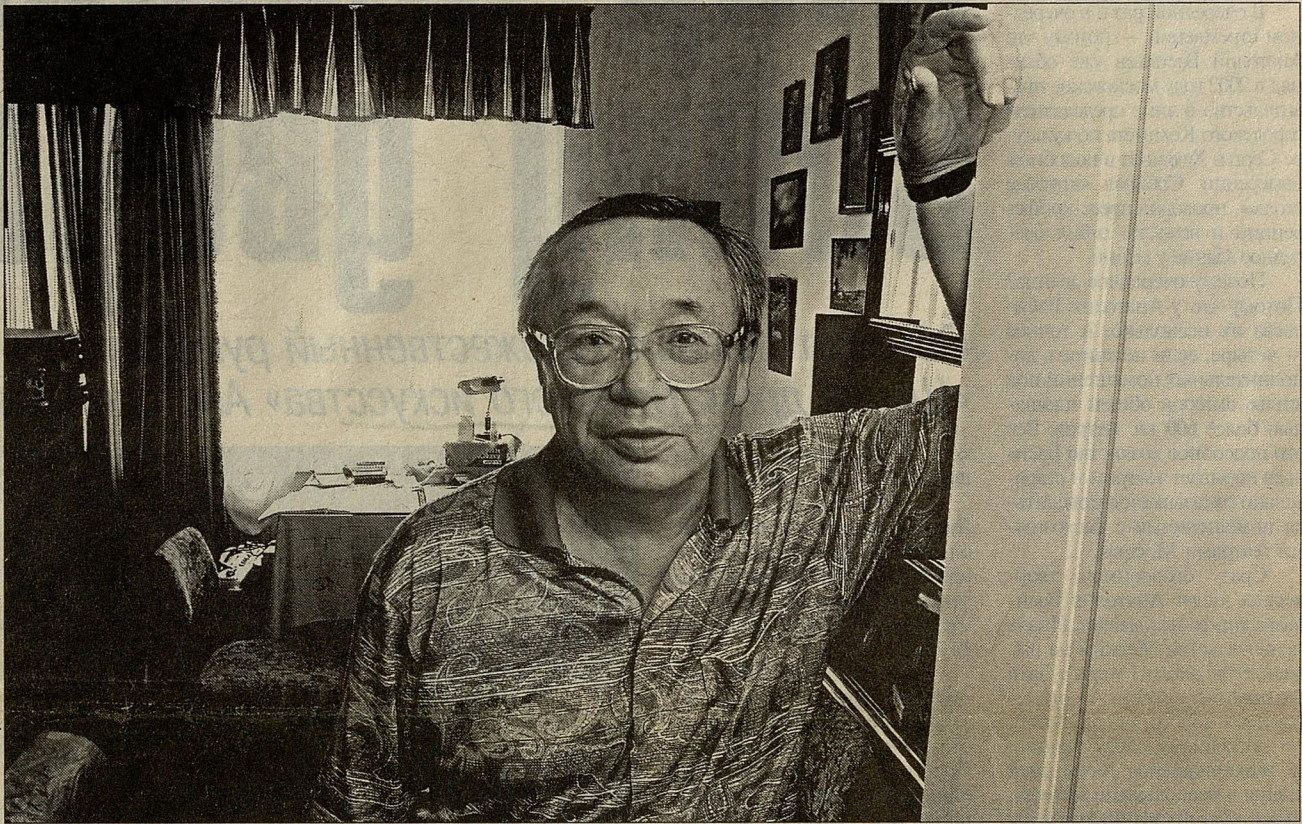
Непосредственно за взгляды и высказанное мнение сейчас не сажают. Может быть, это главная составляющая сегодняшнего времени.

— Наверное, стоит добавить: «пока не сажают»...

— Есть порог, который, думаю, уже не переступить — в силу того что Российское госу-

Юлий КИМ:

«К сожалению, у нас нет опыта общественной борьбы, длительного и грамотного сопротивления»

Сергей КУЗНЕЦОВ — «Новая»

Давайте незгромко, давайте вполголоса

дарство попало в орбиту жизненно необходимых для него отношений с цивилизованным миром. Уже Брежнев не мог полностью игнорировать его мнение (что замечательно сыграло на руку нашему диссидентскому движению), не говоря уже о новых вождах. Ну хорошо, придет на смену Путину кто-то другой, тот же Рогозин с его популистским национализмом, — ему те же проблемы придется решать и «встроенность» в мир учитывать.

Есть всемирная гласность, с которой необходимо считать-

ся. Дураков нема, идти на конфронтацию невыгодно — из самых что ни на есть меркантильных соображений.

— То есть уже можно говорить о системе противовесов?

— Со стороны внешнего мира — безусловно.

Только приметы

— Но с оппозицией внутренней как-то все у нас не складывается, плоховато с этими противовесами...

— Какие-то приметы то там, то тут появляются. Вот о мощном движении учителей, признаться, узнал только из «Новой газеты». Оказывается, три миллиона подписей — и это замечательно. Понимаю, что сильные протестные явления начинаются с экономических лозунгов...

— Как зачаток настоящих, а не прогосударственных профсоюзов?

— Да, профсоюзов, и это тоже очень важно. Вспомните старый замечательный фильм Дамиано Дамиани «Признание комиссара полиции прокурору республики» и «профсоюзную» историю в нем: принес человек стол на площадь, встал на него, призвал к сопротивлению — и вперед! Вот такого у нас мало. У нас вообще очень слабо развито движение снизу. Те же профсоюзы больше контролируются государством, чем низами. Поэтому

му и пенсионерам, от безысходности перекрывающим дороги, я, как и учителям, тоже аплодирую — хоть какой-то протест против государственного беспредела.

— А наболам аплодируете?

— Нет. Я их не приветствую по одной простой причине: за ними стоит Лимонов с его абсолютно популистской идеологией и личными амбициями. Не вижу в нем лидера с идеологией и мощной программой.

Новая оппозиция у нас только вызревает.

— Вы ее видите?

— Конечно. В том же «Комитете-2008» или в «ЯБЛОКЕ», за которое традиционно голоую. Но, к сожалению, перспективы за ними не вижу. Потому что ощущаю общее, разлитое в воздухе желание чего-то нового, с новой харизмой.

Пример для меня — Комитет солдатских матерей как

организация, возникшая снизу, отважная и независимая.

— Но и на нее пытаются давить, каким-то образом дискредитировать и приручить в конце концов...

— Еще бы не пытались! Это же государство — условия могут меняться, но желания подмять остается неизменным. Чего только не хотелось ему оседлать — ту же авторскую песню, к примеру, через комсомол в свое время пыталось сделать ручной. Но ничего не получилось, потому что такую вольницу задавить можно было только методами сталинского террора. Самиздат в конце концов подмяли, а магнитиздат уже не смогли.

Жаль, что всего один раз смог выбраться на знаменитый Грушинский фестиваль. Могутое было впечатление.

(Окончание на стр. 20)

Самиздат государство подмяло. Магнитиздат — уже не смогло

011-641

(Окончание.
Начало на стр. 19)

Россия, мать чудная

— Вам же не приходило в голову в годы учительства протестовать против низкой зарплаты, а песни, за которые могли привлечь, вы уже писали, и письма протеста подписывали, и еще много чего натворили...

— Тут все просто: мы находимся, как кто-то хорошо сказал, на стадии перехода от культуры тюрьмы к культуре свободы.

Торенная культура предполагает сравнительно равное распределение благ. Учительство во времена оны от безденежья страдало наравне со всеми. На жизнь и даже какие-то накопления при зарплате в диапазоне от 120 до 220 рублей хватало.

Наше протестное движение, пиком которого были диссиденты, строилось в огромной и даже решающей степени на отсутствии свободы слова. Мы задыхались от безгласия и решали задачу обрести голос. Это породило и самиздат, и магнитиздат, и «Хронику текущих событий», и массу процессов.

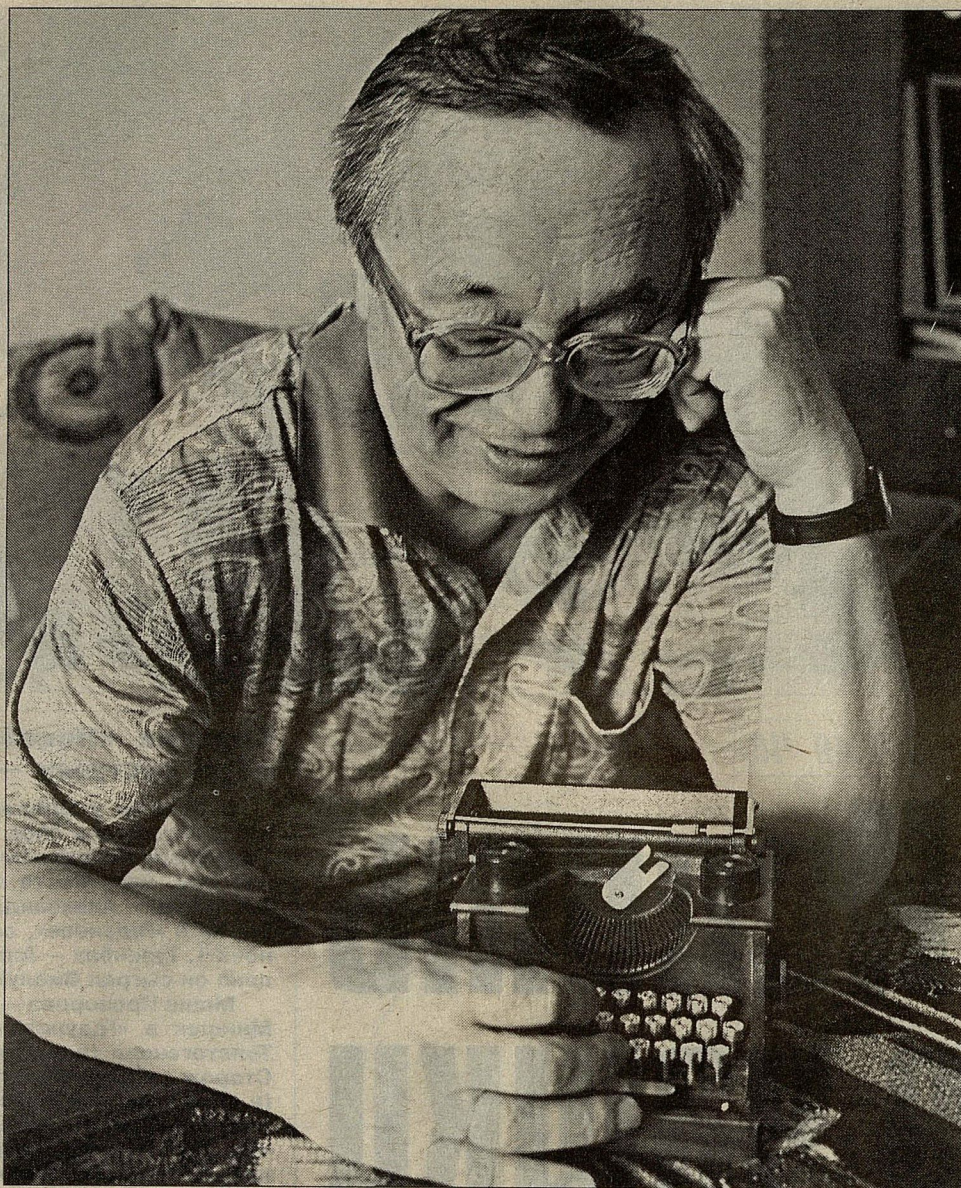
— Не это ли стремление жить высокими идеалами привело в конце концов к нашей неготовности бороться (уже в совершенно новых условиях) за права социальные?

— Это просто другая проблема, с которой столкнулось все население, в том числе его активная мыслящая часть, после того как страна вошла в первый такой поворот во всей многовековой российской истории. Россия не могла избежать общей судьбы, должна была попытаться в конце концов стать частью общемирового процесса — и ринулась во все это с присущей ей широтой души и безответственности. Что такое воля, Россия знает. Что такое свобода — нет. Знаменитая формула Ельцина «берите столько суверенитета, сколько сможете» была понята именно как универсальный инструмент, причем не только по отношению к суверенитету. Начался страшно беспардонный (и санкционированный государством!) дележ, в первых рядах которого оказались, естественно, чиновники как обладающие административным ресурсом и люди активного риска, в том числе бизнесмены, а также (в значительной степени) криминал. На сегодня уже вполне оформились активно паразитирующие сословия (в том числе расплодившиеся в невероятном количестве «внутренние вооруженные силы», возникшие как реакция на беспредел, но на деле присоединившиеся к дележу). Вот они-то и пользуются в первую очередь плодами этого самого переходного периода.

Пожалуй, только Россия может похвастаться такими чертами в своем освоении свободы, которые я для себя выделяю.

Первая, которая меня все время потрясала (да и сейчас потрясает), — это то, с какой легкостью государство либо работодатели не платят людям зарплату. По полгода и даже больше; при этом люди ходят на работу и должны как-то существовать. Ни одна страна, ни один народ такого бы не выдержали — наш же, увы... Неслыханное долготерпение — ведь даже при рабовладельческом строе с рабами так не обращались...

Вторая черта — почти полное отсутствие обратной связи между властью и обществом. Каждый номер «Новой газеты» можно нести в прокуратуру и

Сергей КУЗНЕЦОВ — «Новая»

Давайте незгромко, давайте вполголоса

Юлий КИМ:

«К сожалению, у нас нет опыта общественной борьбы, длительного и грамотного сопротивления»

заводить уголовное дело на то или иное должностное лицо...

Какая-то связь, безусловно, есть: более чем уверен, что кремлевские аналитики самым внимательным образом изучают прессу, тем более ярко оппозиционную (каковой, как я понимаю, немного). Но реакции не чувствуется — ни личностной, ни государственной. Другой бы после вопиющих фактов в отставку подал или покорно в тюрьму пошел (как недавно с высоким чином в Южной Корее было), но только не у нас.

Они начнут с доверчивых оленей

— Может, плюнуть на все и как-то приспособить-

ся, переждать, в конце концов?

— Не получится, достанут. При наших вроде как либеральнейших законах и видимой свободе (это свобода бескультурья, а не культура свободы), как только человек начинает поднимать голову, на него обрушиваются и государство в самых разнообразных проявлениях, и «сопутствующие» силы.

Что такое процесс против «ЮКОСа», как не борьба власти с активным бизнесом, передел собственности в свою пользу? Только так я это и рассматриваю. Непосредственно суд над Ходорковским и Лебедевым был демонстрацией всемогущества государства и нашей общей беспомощности перед этим всемогуществом. Могу предста-

вить, что по логике обвинений там много правды. Но то, что «правда» применялась избирательно и вне контекста времени, совершенно очевидно. И таким образом она обернулась подлостью.

К сожалению, у нас нет опыта общественной борьбы, опыта сознательного, длительного и грамотного сопротивления — впрочем, возможного только в условиях естественного взаимодействия государства и общества.

— Получается замкнутый круг?

— Отчасти так. Вот слушал я недавно выступление Александра Исаевича Солженицына. Допускаю, что многие вздыхали, кто-то, может, и посмеивался, когда он опять твердил о земском устройстве как о

единственно спасительном для России... Я, честно говоря, сам к этому относился как к утопии, но, возможно, за ней просматривается важная идея. Демократия, идущая снизу, есть необходимое условие культуры государственного самочувствия.

С этим у нас совсем плохо.

— Зато хорошо с вертикалью власти.

— Укреплять вертикаль — значит повышать собственную ответственность и замыкать все на себе. С этой точки зрения я не очень представляю, как Владимир Путин будет управляться. Я вообще не очень представляю, в центре игрища каких сил он находится, поэтому не могу поставить ему ту или иную отметку.

С Чечней он поступил так, как должен был поступить любой имперский политик. Но второй войне уже шесть лет, и конца не видно. Да, Путин чеченизировал процесс. Но то, что там сейчас происходит, — это и не контртеррористическая операция (карательная экспедиция ею и не может быть), и не борьба за независимость Чечни. Это страшная кровавая схватка сил, преследующих свои корыстные интересы. Так я себе это представляю.

Параллели с арабо-израильским конфликтом, о котором я знаю не умогательно, здесь совершенно неуместны.

Зачем былое ворошить

— Юлий Черсанович, как вы отнесетесь к непристойному предложению — ну, к примеру, за миллион долларов написать гимн для движения «Наши»?

— Так и отнесусь. Я к ним не приглядывался, но судя по всему — это произведение нашего государства, и дела с этим произведением иметь не хочу.

Тем более что вы упомянули про гимн. Одна из непрости-тельных ошибок нынешнего президента — возвращение гимна СССР в его слегка подправленном михалковском варианте. Он сам расписался в том, что является прямым продолжателем советских традиций. Мягко говоря, это было недальновидно.

Так вот о «заказе» — песен по политическим заказам никогда не писал. Крамольные — сочинял. Да и то с перестройкой прекратил. Хотя как раз тогда иные барды так и кинулись клеить партию и правительству. А я перестал.

— Ваших крамольных и на нынешние времена хватает...

— Что поделать, если власть привыкла повторяться.

— Все советское так уж и плохо? Понимаю, что решиды положительными быть не могут, и все же...

— Единственное, с чем бы я согласился, — это с возвращением всероссийской...

— ...кухни, на которой снова все соберем?

— Нет, пионерской организации. Ее аналога, конечно. Чтобы дети играли, и я даже представляю во что: в бардовскую «Бригантину». С походами, кострами, романтикой, песнями...

— Такие скауты на наш манер?

— Не скауты. Альбатросы. Тельняшки, бескозырки, ленточки — да, в чем-то артековский вариант.

— А какого цвета будут галстуки в этом случае? У скаутов, кажется, синие.

— Пусть бело-синие будут, в цвета Андреевского флага...

— Юлий Черсанович, слышу, заговорил в вас камчатский романтик... Где мы в наше-то время найдем столько юлийкимов, молодых талантливых бесребренников? Да если и найдутся — подомнут все под себя новые молодежные вожди с руководящей линией партии...

— Ну почему же. Не при старом режиме живем.

— У вас есть замечательная песня-анекдот про одного из первых российских драматургов Василия Капниста — о том, как он в течение пяти актов представления его новой пьесы успел быть и со-сланным, и возвращенным, и возмеченным. С вами ничего такого не случилось?

— Дайте подумать... Пожалуй, нет. По аналогии могу разве что вспомнить, как пять с небольшим лет назад В.В. Путин еще в качестве и.о. президента вручал мне в Екатерининском зале Кремля Государственную премию имени Булата Окуджавы. Тогда в ответном слове я и сказал по поводу происходящего, что времена переменялись...

— А сейчас не пора ли возвращать на свет божий Юлию Михайлова?

— Не пора. Надеюсь, что и не придется. Расстался я с ним после статьи Булата Окуджавы «Запоздальный комплимент», вышедшей в апреле 85-го в «Литературке».

— Тогда с двадцатилетием вас, Юлий Черсанович!

...И проснулся во мне бывший завит, когда открыл

подаренный томик пьес и перечитал «Сказки Арденнского леса», навеянные Киму Шекспиром и эпохой конца 60-х — начала 80-х и оставившие по себе легенду о спектакле Петра Наумовича Фоменко на Малой Бронной, снятом после шестого представления. Хоть сейчас бери и ставь. С некоторыми сокращениями, впрочем.

Автор так или иначе воплощается во всех персонажах, но в «Сказках» Ким — это и лесной философ Жак, и Шут. Ибо Шут-актер удивляется, глядя на Жака: «вот невидаль — печальный весельчак...», а тот в свою очередь завидует лицедею.

Юлий Ким никому не завидует, объединяя оба начала и смотря на наше время... Ну как Жак и Шут одновременно: «Казалось бы, такой хороший лес: и кров, и пища. Деньги не нужны, взаимное согласие вместо власти. Нет повода для розни и вражды — есть только все условия для счастья. А мы?». Общий вздох.

Это ремарка из пьесы. Кстати, работает он сейчас вместе с композитором Владимиром Дашкевичем над оперой «Ревизор».

● Владимир МОЗГОВОЙ